

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЛОКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-65-81

© А. Л. ТОПОРКОВ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СТИЛИЗАЦИИ И. П. САХАРОВА В СТАТЬЕ А. А. БЛОКА «ПОЭЗИЯ ЗАГОВОРОВ И ЗАКЛИНАНИЙ»*

Статья «Поэзия заговоров и заклинаний» была написана Блоком осенью 1906 года для первого тома «Истории русской литературы», посвященного народной словесности.¹ Блок работал над статьей в период между 5 сентября и 29 ноября 1906 года.²

К. А. Кумпан посвятила источникам «Поэзии заговоров и заклинаний» специальное исследование,³ однако она не ставила перед собой задачи выявить всю их совокупность и тем более охарактеризовать в фольклористическом отношении. Ценные замечания о «Поэзии заговоров и заклинаний» встречаются также в работах Э. В. Померанцевой и Г. А. Левинтона.⁴ Отдельные источники, которыми пользовался Блок, указаны в примечаниях к статье в 8-томном Собрании сочинений поэта.⁵

Большинство заговоров, которые приводятся в статье Блока, заимствованы им из изданий Л. Н. Майкова (1869), П. С. Ефименко (1878) и других публикаторов русского, украинского и белорусского фольклора. В то же время наряду с подлинными заговорами Блок использовал и литературные стилизации, восходящие к «Сказаниям русского народа о семейной жизни своих предков» (далее — «Сказания») Ивана Петровича Сахарова (1807–1863).⁶ К сожалению, никто из комментаторов и исследователей «Поэзии заговоров и заклинаний» до сих пор не отмечал того, что среди заговоров, цитируемых Блоком, имеются не только аутентичные тексты, но и фальсификаты.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00603. Приношу искреннюю благодарность Н. Ю. Грякаловой, А. Б. Ипполитовой, Д. М. Магомедовой, А. А. Панченко и С. В. Федотовой за ценные замечания, учтенные мною при работе над статьей.

¹ Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний // История русской литературы: В 2 т. / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1908. Т. 1. Народная поэзия / Под ред. Е. В. Аничкова. С. 81–106.

² Кумпан К. А. О датировке статьи Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» // Вопросы литературы. 1983. № 12. С. 270–273.

³ Кумпан К. А. Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний» // Мир А. Блока: Блоковский сборник В. Тарту, 1985. С. 33–45 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 657).

⁴ Померанцева Э. В. Блок и фольклор // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 203–224 (то же: Померанцева Э. В. Писатели и сказочники. М., 1988. С. 44–87); Левинтон Г. А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 171–185.

⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 36–65, 715–717.

⁶ Биографию Сахарова и основную литературу вопроса см.: Топорков А. Л. Сахаров Иван Петрович // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2019. Т. 4. П — Софронов А. В. С. 634–644.

Имя Сахарова фигурирует в «Поэзии заговоров и заклинаний» дважды — в начале статьи и в библиографическом списке. Интересно, что оно упоминается в тексте первым, что придает ему особую значимость. Блок пишет о том, что горожанину начала XX века заговоры представляются проявлением невежества, а в прошлом так на них смотрела и наука: «Современному уму всякое заклинание должно казаться порождением народной темноты; во всех своих частях оно для него нелепо и странно. Так некогда относилась к нему и наука, Сахаров излагал заговоры отчасти с нравоучительной целью — чтобы остеречь от обмана...» (л. 2).⁷

Действительно, Сахаров неоднократно предостерегал своих читателей, например: «Русское „Знахарство“ излагает *отъявленные обманы знахарей*, но которые, по непонятному стечению обстоятельств, принимаются в простом народе за спасительные действия. <...> С истинным желанием добра простодушным людям, излагаем здесь *обманы знахарей*, бродящих из одного селения в другое и живущих на счет ближнего».⁸ Более того, Сахаров призывал к истреблению тех суеверий, которые он описывал: «Обнарождая это зло с истинным желанием его уничтожения, мы уверены, что сострадательные сердца обратят все свое старание к его искоренению».⁹

К. А. Кумпан отмечала, что «Блок в начале статьи ссылается на эту книгу Сахарова, но почти ею не пользуется, цитируя тексты заговоров по забылинским пересказам, повторяя его неточности и купюры».¹⁰ Утверждение исследовательницы, что Блок цитировал заговоры Сахарова по их перепечаткам в книге М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (1880), как мы убедимся далее, вполне справедливо и, тем не менее, требует уточнения. Дело в том, что в книге Забылина заговоры Сахарова не пересказываются, а перепечатываются полностью с незначительными изменениями в пунктуации и написании заглавных букв, а также с отдельными лексическими заменами.

Сахаров уверял, что приводит тексты точно в таком виде, в каком они обращаются «в устах народных, без перемены понятий и слов»,¹¹ однако современники высказывали сомнения в достоверности этих материалов. В частности, одним из первых об издании «Песен русского народа» критически отозвался Аполлон Григорьев,¹² мнения которого Блок высоко ценил. Подробный анализ фальсификаций Сахарова имеется в работах А. Н. Пыпина,¹³ но именно сахаровские заговоры не вызвали у ученого сомнений: «...под рубрикой „сказаний о кудесничестве“ сообщается очень любопытная и ценная коллекция заговоров (числом 64), собранных самим Сахаровым и полученных от других лиц».¹⁴

Профессор И. А. Шляпкин в лекциях по истории русской литературы, которые Блок слушал в университете, отмечал: «В 20-х и 40-х годах прошлого века появился целый ряд работ, относящихся к русской народной поэзии. Са-

⁷ Здесь и далее статья Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» цитируется в тексте сокращенно, с указанием номера листа по наборной рукописи, сохранившейся в архиве поэта (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 179).

⁸ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. П. Сахаровым: В 2 т. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 17. Здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. Т.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Кумпан К. А. Заметки об источниках... С. 41, прим. 35.

¹¹ Сказания... Т. 1. Кн. 2. С. 16.

¹² Григорьев А. А. Русские народные песни: Критический опыт // Москвитянин. 1854. № 15. Критика и библиография. С. 93–142.

¹³ Пыпин А. Н. 1) История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 276–313; 2) Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 24–30.

¹⁴ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 1. С. 299.

харов выступил со своей книгой „Сказания русского народа“. Но труд этот не имеет научного значения и представляет из себя путаницу материала и взглядов благодаря тому, что автор и сам не знал хорошенько, в каких отношениях должны быть поставлены к мифологии чернокнижие и колдовство». ¹⁵ Однако и у Шляпкина не найдется указаний на то, что Сахаров фальсифицировал отдельные тексты.

В седьмой «Записной книжке» Блока (зима 1903 — лето 1904) имеется список тем, которые Шляпкин предлагал на выбор своим семинаристам, одна из них посвящена Сахарову. Из краткой записи Блока видно, что у профессора было к нему сложное отношение: «Сахаров. Знаком с Пушкин<иным> лично. Больш<ая> литерат<ура>. (переписка) — в Публ<ичной> Библ<иотеке>. Пыпин. «Ист<ория> этнографии» — говор<ит> о том, чего нет у Сахарова. Указ<ать> то, что **есть** положит<ельного>». ¹⁶ В личном архиве Шляпкина хранилось большое количество рукописных материалов Сахарова, чем объясняется интерес к автору «Сказаний».

Проблема восприятия этого издания русскими писателями заслуживает самостоятельного исследования. В данной статье рассматриваются три текста Сахарова, процитированные в статье Блока: «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» (№ 3), ¹⁷ «Заговор от запоя» (№ 24) и «Заговор островника на зеленую дуброву» (№ 46). Остановимся на них подробнее и попытаемся понять, чем они отличаются от аутентичных заговоров и почему привлекли внимание Блока.

«Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою»

Заглавие данного текста не характерно ни для рукописных сборников заговоров, ни для научных изданий. В то же время в «Сказаниях» есть несколько сходных названий: «Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбивного молодца» (№ 1), «Заговор красной девицы о сбереженьи в дороге полюбивного молодца» (№ 2), «Заговор на укрощение гнева родимой матушки» (№ 6), «Заговор молодца на любовь красной девицы» (№ 36), «Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки» (№ 42), «Заговор полюбивного молодца на любовь красной девицы» (№ 44), «Заговор красной девицы от недугов полюбивного молодца» (№ 48), «Заговор на тоску доброму молодцу по красной девице» (№ 62). Такие названия характерны исключительно для «Сказаний» и, несомненно, даны текстам самим Сахаровым.

Перед тем как процитировать текст, Блок помещает фрагмент, посвященный поэтическому содержанию заговоров: «А там, где поселяется привычка, блеск поэзии затуманивается, притупляется ее острота. И потому *истинные перлы первобытной поэзии* сверкают там, где неожиданное, непривычное событие падает на голову человека, возбуждает его гневом, тоской или любовью, распирает стены избы, лишает почвы под ногами и поднимает еще выше

¹⁵ Шляпкин И. А. Лекции по истории русской литературы, ч. 1. Начало (историографический очерк. Вопросы методологии изучения. Верования славян). [Литографированное издание. СПб., 1907]. Л. 150 (РНБ. Ф. 865. № 49).

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 39 об. — 40 об. Цит. по: Владимирова И. В. <Душечки на И. В.>, Григорьев М. Г. <Альтшуллер М. Г.>, Кумпан К. А. А. А. Блок и русская культура XVIII века // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 36 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 535).

¹⁷ Здесь и далее ссылки на заговоры, опубликованные Сахаровым, даются в тексте сокращенно, с указанием номера текста.

холодное, предутреннее небо. Здесь играет *свободная и живая поэзия: сын покидает мать, девушка бросает милого. Мать как будто видит с вещей тоскою каждую былинку в мире, знает все, что может стрястись с родным сыном.* Заговор матери от тоски по сыне показывает, что самые темные люди, наши предки и тот странный народ, который забыт нами, но окружает нас кольцом неразрывным и требует от нас памяти о себе и дел для себя, — также могут выбиться из колеи домашней жизни, буржуазных забот, бабьих причитаний и душевной боязни каких-то дрянных серых чертенят. В заговоре как бы растут и расправляются какие-то крылья, от него веет широким и туманным полем, дремучим лесом и тем богатым домом, *из которого ушел сын на чужую сторону.* Чтобы предохранить свое дитяtko от обмороченья и узорочанья, *мать произносит золотые слова...*» (л. 32).

И у Сахарова, и у Забылина, и у Блока «Заговор от тоски...» опубликован в подбор, т. е. как прозаический текст, тем не менее он представляет собой своеобразное поэтическое произведение. Приведем фрагмент заговора, процитированный Блоком, с условным разделением текста на строки.

Пошла я в чисто поле,
 взяла чашу **брачную**,
 вынула свечу **обручальную**,
 достала плат **венчальный**,
 5 *почерпнула* воды из *загорного* студенца;
 стала я среди леса *дремучего*,
очертилась **чертою** *прозорочною*
 и *возговорила* зычным голосом.
 Заговариваю я своего ненаглядного дитяtko (такого-то)
 10 над чашею **брачною**,
 над свежею водою,
 над платом **венчальным**,
 над свечею **обручальною**.
 Умываю я своего дитяtko
 15 во чистое личико,
 утираю платом **венчальным**
 его уста сахарные,
 очи **ясные**,
 чело думное,
 20 ланиты **красные**,
освещаю свечею **обручальною**
 его *становой* кафтан,
 его *осанку* *соболиную*,
 его подпоясь *узорчатую*,
 25 его коты *шитые*,
 его кудри *русые*,
 его *лицо* *молодецкое*,
 его *поступь* *борзую*.
 Будь ты, мое дитяtko *ненаглядное*,
 30 *светлее* *солнышка* *ясного*,
 милее *вешнего* дня,
 светлее *ключевой* воды,
 белее *ярого* воска,
крепче *камня* *горючего* Алатыря.
 35 Отвожу я от тебя черта страшного,
 отгоняю *вихоря* *бурного*,
 отдаляю от *лешего* *одноглазого*,
 от *чужого* *домового*,
 от *злого* *водяного*,

- 40 от *ведьмы* Киевской,
от *злой* сестры ее *Муромской*,
от *моргуньи* русалки,
от треклятыя бабы-яги,
от летучего змея огненного,
45 отмахиваю от ворона вещего,
от вороны-каркуни,
защищаю от кашея ядуна,
от хитрого черно книжника,
от заговорного кудесника,
50 от ярого волхва,
от слепого знахаря,
от старухи-ведуньи,
а будь ты, мое дитятко, —
моим словом крепким
55 в нощи и в полунощи,
в часу и в получасьи,
в пути и дороженьке,
во сне и наяву
укрыт от силы вражией,
60 от нечистых духов,
сбережен от смерти напрасныя,
от горя, от беды,
сохранен на воде от потопления,
укрыт в огне от сгорания.
65 А придет час твой смертный,
и ты вспомяни, мое дитятко,
про нашу *любовь ласковую*,
про наш *хлеб-соль* роскошный;
обернись на родину славную,
70 *ударь* ей челом седмерижды семь,
распростись с родными и кровными,
припади к сырой земле
и *засни сном сладким*, непробудным¹⁸ (л. 32–34).

Привлекает внимание высокая оценка заговоров в целом и данного текста в частности: «...истинные перлы первобытной поэзии...», «...свободная и живая поэзия...», «...золотые слова...». На исходную ситуацию, как ее понимает Блок («сын покидает мать», «ушел сын на чужую сторону»), указывает название «Заговор от тоски родимой матушки *в разлуке* с милым дитяткою» и преамбула (матушка смотрит «на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка» и пребывает в лютой тоске). Однако в заговоре не сообщается, что случилось с «ненаглядным дитяткой», куда он направился, зачем и по своей ли воле. Текст не позволяет даже определенно судить о том, каков возраст сына — является ли он младенцем или взрослым человеком. Мать описывает, как она умывает своего дитятку «над чашею брачною» и вытирает его «платом венчальным», хотя находится в одиночестве и в разлуке со своим сыном. Можно догадаться, что мать совершает эти действия в своем воображении и описывает их как реальные в своем заклинании.

«Заговор от тоски...» приведен Блоком не полностью: поэт исключил из него шесть предложений — по три в начале и в конце. Однако и в таком виде

¹⁸ Здесь и далее в текстах заговоров полужирным шрифтом выделены рифмы и рифмоиды, а курсивом обозначены паронимы. В понимании явления паронимии мы следуем за концепцией Н. А. Кожевниковой, изложенной в ее книге «Избранные работы по языку художественной литературы» (М., 2009. С. 15–412).

текст занимает более листа в наборной рукописи и примерно две трети печатной страницы в «Истории русской литературы». Это самый крупный заговор, процитированный в «Поэзии заговоров и заклинаний». Вероятно, Блок сократил текст по «техническим» соображениям, чтобы не давать слишком большую цитату, однако, как мы увидим далее, выбранный Блоком фрагмент имеет целостный характер и продуманную композицию.

Текст Сахарова перепечатан в издании Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» под заглавием «Заговор матери от тоски по родном сыне» и с указанием источника — издания Сахарова.¹⁹ При этом в тексте было сделано несколько лексических замен. Вместо существительного *шапку* напечатано *осанку*, в результате чего появилось странное словосочетание «осанка соболиная». Глагол *заслоняю* заменен на *защищаю*, прилагательное *призорочною* исправлено на *прозорочную*, а глагол *освечаю* на *освещаю*. Во всех четырех случаях Блок использовал вариант Забылина. Отметим также, что слова *ведьма*, *русалка*, *баба-яга*, *кащей ядун*, *волхв*, которые у Сахарова пишутся с заглавной буквы, у Забылина (и соответственно, у Блока) даются со строчной. В «Истории русской литературы» заговор воспроизведен в соответствии с наборной рукописью Блока за одним исключением: прилагательное *прозорочная* исправлено на *прозрачная*.²⁰

Текст делится на три части: вводная (1–8), основная (9–64) и заключительная (65–73). Во вводной части мать описывает свои действия, которые предшествовали произнесению заговора, в основной — она произносит перформативные формулы («Заговариваю я своего ненаглядного дитятку (такого-то)...»), а в заключительной говорит о событиях, которые произойдут в будущем. Соответственно во вводной части используются глаголы совершенного вида в прошедшем времени, в основной — глаголы несовершенного вида в настоящем времени и конструкция с глаголом *быть* в повелительном наклонении, а в заключительной — глагол *прийти* в будущем времени и серия глаголов в повелительном наклонении.

«Заговор от тоски...» значительно отличается от аутентичных заговоров. Прежде всего это объемный повествовательный текст, который имеет развернутый сюжет и включает несколько эпизодов, один из которых отнесен к будущему времени. Большинство же фольклорных текстов этого жанра имеют неразвитый сюжет и меньший размер (встречаются, правда, и обширные рукописные заговоры с развитым сюжетом, например так называемая «Сисниева молитва» от лихорадки). В настоящих заговорах никогда не приводится описание грядущей смерти человека, которого они призваны защитить.

В сахаровском заговоре два основных персонажа — мать и ее сын, причем о сыне неизвестно почти ничего, а о матери известно многое. Она находится «в тоске, в беде»; идет в поле, чтобы «заговорить тоску лютую, гробовую»; ее слова имеют эмфатический характер и произносятся «зычным голосом»; в ее речи используется эмоционально окрашенная лексика (*ненаглядное дитятко*, *чистое личико*, *солнышко ясное*, *дороженька*). В аутентичных заговорах психологическая разработка характеров, как правило, вообще отсутствует. Если человек произносит заговор от тоски, то очевидно, что он находится в депрессивном состоянии, однако его чувства не изображаются в тексте. В присушках любовная тоска и огненная страсть насылаются на особу противоположного пола, однако при этом описываются чувства, которые хотят вызвать у того человека, на которого направлены заговоры, а не того, который эти за-

¹⁹ Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 294–295.

²⁰ Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний. С. 101.

говору произносит. Ни об адресанте, ни об адресате любовных заговоров из самих текстов невозможно узнать ничего, кроме его или ее пола.

Художественность сахаровского заговора проявляется в ритмизации текста, обилии эпитетов, параллельных синтаксических конструкций, рифмованных слов, паронимов, аллитераций.

Наиболее заметна такая лексико-стилистическая особенность данного заговора, как большее количество эпитетов, которые имеются в 57 строках из 73. В трех случаях к одному существительному относятся два эпитета: *злая сестра ее Муромская; летучий змей огненный; сон сладкий, непробудный*. При этом два эпитета — *венчальный* и *обручальный* — повторяются по три раза и еще два — *брачный* и *ненаглядный* — по два раза. Таким образом, всего в тексте 54 эпитета, которые с учетом повторов встречаются 60 раз. В 42 случаях из 60 эпитеты стоят в постпозиции, причем 30 имеют дактилические завершения (*чашу брачную, свечу обручальную, леса дремучего* и т. д.), 8 — женские (*плат венчальный, платом венчальным* (2), *словом крепким* и т. д.) и 4 — гипердактилические (*уста сахарные, подпоясь узорчатую, змея огненного, любовь ласковую*). Это совершенно не характерно для аутентичных заговоров.

Отметим синтаксическую особенность сахаровского текста: в 30 строках синтагмы начинаются с глаголов в индикативе или императиве или с кратких причастий. Во вводной части заговора в восьми строках подряд в начальной позиции стоят глаголы в прошедшем времени (1–8). В заключительной части глаголы в императиве стоят в начале пяти синтагм (69–73). Таким образом, вводный и заключительный фрагменты в формальном отношении образуют своеобразную композиционную рамку процитированной Блоком части текста.

Многие строки связаны друг с другом отношениями синтаксического параллелизма. В одних случаях они идут подряд, как, например, строки 2, 3 и 4, в которых за глаголами следуют существительные с эпитетом в постпозиции. В других случаях — отделены друг от друга: «...отдаляю от лешего одноглазого...» (37), «...отмахиваю от ворона вешего...» (45), «...защищаю от кашея ядуна...» (47). Благодаря синтаксическому параллелизму в сочетании со звуковыми повторами в тексте возникают упорядоченные поэтические структуры (2–4, 30–33, 38–39, 67–68). Синтаксическим параллелизмом связаны перечислительные конструкции с предлогами *над* (10–13) и *от* (35, 37–52, 59–64), с личным местоимением *его* (22–28).

Звуковые повторы встречаются в разных позициях. В конце строк имеются в основном дактилические рифмы: *брачную — обручальную — брачную — обручальной* (2); *ясные — красные; ласковую — славную; потопления — сгорения*. Привлекает внимание глубокая рифма *брачную — обручальную*. Особый случай, когда рифмой связаны 4 слова, идущие подряд друг за другом: «от чужого домового, от злого водяного» (в старой орфографии — «от чужаго домоваго, от злаго водянаго»).

В начале строк чаще всего рифмуются слова, связанные синтаксическим параллелизмом: *пошла — взяла; сбережен — сохранен; вспомяни — обернись — распротись — припади — засни* и т. д.

В тексте используются тавтологические словосочетания: *очертилась чертою; освещаю свечою; засни сном; в нощи и в полунощи, в часу и в получасы; седмерижды семь*. Встречаются и паронимические словосочетания: *доставля плат; лицо молодецкое; светлее солнышка; солнышка ясного; черта страшного; обернись на родину; родными и кровными*.

Члены паронимических пар могут занимать позиции в начале и конце синтагмы: «*Пошла я в чисто поле...*»; в начале и в середине строки: «*...крепче*

камня *горючего* Алатыря». Другие примеры паронимов: *с-т-н / с-н-к*: «...его *становой* кафтан, его *осанку* соболиную...»; *л-з-г / з-л-г*: «...от *лешего* *одноглазого*, от *чужого* *домового*, от *злого* *водяного*...» и т. д. В следующем фрагменте две группы паронимов, причем слово *прозорочную* входит в обе группы: *п-ч-р-п-н / р-м-ч / ч-р-т / ч-р-т / п-р-з-р-ч-н* и *з-г-р-н / з-р-ч-н / з-г-в-р*: «...*почерпнула* воды из *загорного* студенца; стала я среди леса *дремучего*, *очертилась* *чертою* *прозорочною* и *возговорила* зычным голосом...».

Заговор характеризуется изящной звукописью, например: «...*светлее* *солнышка* *ясного*...», «...*отдаляю* от *лешего* *одноглазого*...», «...*защищаю* от *кащей*...», «...*про* нашу *любовь* *ласковую*, *про* наш *хлеб-соль* *роскошный*...», «...*засни* *сном* *сладким*...». В начале отрывка, процитированного А. Блоком, есть аллитерация на согласные *ч* и *р*: «Пошла я в чисто поле, взяла *чашу* *брачную*, *вынула* *свечу* *обручальную*, *достала* *плат* *венчальный*, *почерпнула* *воды* из *загорного* студенца; стала я среди леса *дремучего*, *очертилась* *чертою* *прозорочною* и *возговорила* зычным голосом». В завершающей части фрагмента аллитерация на *р*, *д* и *н*: «...*обернись* на *родину* *славную*, *ударь* ей *целом* *седмерижды* *семь*, *распрости*сь с *родными* и *кровными*, *припади* к *сырой* *земле* и *засни* *сном* *сладким*, *непробудным*...».

В тексте используются некоторые формулы, характерные для подлинных заговоров, однако у Сахарова они получают новое лексическое наполнение. Например, отдельные демонические персонажи из «Заговора от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» встречаются в аналогичных перечнях из аутентичных заговоров (вихрь, водяной, ведунья), другие фигурируют в фольклорных заговорах, однако не в перечнях злокозненных персонажей, а в других контекстах (черт, баба-яга, огненный змей, ворон, ворона, кудесник, волхв), третьи в заговорах вообще не встречаются (леший одноглазый, моргунья русалка, кашей ядун). В аутентичных заговорах мы не найдем таких словосочетаний, как *черт страшный*, *вихорь бурный*, *чужой домовой*, *злой водяной*, *ведьма Киевская*, *злая сестра ее Муромская* и т. д. Таким образом, Сахаров использовал традиционную формулу, чтобы создать свой собственный красочный перечень демонических и сказочных персонажей.

Образ тоскующей матери встречается в присушках в сравнительных оборотах: человек пытается добиться взаимности, насылая на особу противоположного пола любовную тоску, которая уподобляется тоске матери по своему ребенку или младенца по материнской груди: «...как *тоскует* *мать* по *дитяти*, так бы раба Божия тосковала и горевала по рабе Божию, тосковало и горевало ея сердце; как *тоскует* младенец по титьке, так бы и она тосковала и горевало сердце у рабы Божией по рабе Божию...»,²¹ т. е. образы присушек используются в тексте Сахарова в не свойственной им функции.

Большой объем текста, соединение в нем повествовательного и лирического начал, множество эпитетов в постпозиции и строк с синтаксическим параллелизмом, единообразное построение ряда предложений с глаголом в инициальной позиции, богатая звукопись и некоторые другие особенности «Заговора от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» побуждают смотреть на него как на литературную стилизацию, а не фольклорное произведение.

Ситуация смерти человека и его прощания с родными напоминает заключительный эпизод песен на сюжет «Молодец умирает на чужбине». В одной из песен, опубликованных Сахаровым, воин лежит в поле в кипарисовом гробу и посылает коня к своей матери:

²¹ Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 8–9, № 2.

Ты скажи: твой сын жениться захотел,
В чистом поле положил-то я его,
Обнимает поле чистое теперь.²²

В другой молодец разнемогся на чужбине и просит своих товарищей:

...Как приедете во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Молодой жене своя воля;
Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди;
Моим детушкам благословеньице.²³

«Заговор от запоя»

В статье Блока сахаровский «Заговор от запоя» приводится с небольшой преамбулой, свидетельствующей о глубоко личностном отношении поэта к теме и высокой оценке этого текста: «От этой — самой злой и таинственной — порчи, от темной силы запоя, которой не видно и не слышно, которая настаивает внезапно и приносит в дом несчастье, — заговариваются *сильными, напряженными словами*; часть их, очевидно, непонятна для самого заклинающего; в них слышен голос отчаянья...» (л. 29).

Далее Блок помещает полностью текст заговора, который мы процитируем с условной разбивкой на строки:

Ты, небо, слышишь,
ты, небо, видишь,
что я хочу **делать**
над **телом** раба (имярек).
5 **Тело** Маерена печень тезе.
Звезды вы **ясные**,
сойдите в чашу **брачную**;
а в моей чаше вода
из-за горного студенца.
10 **Месяц** ты **красный**,
зайди в мою клеть;
а в моей клетке
ни дна, ни покрывки.
Солнышко ты привольное,
15 **взойди** на мой двор;
а на моем дворе
ни **людей**, ни **зверей**.
Звезды, уймите раба Божия (имярек) от вина,
месяц, отврати раба (имярек) от вина;
20 **солнышко**, усмири раба (имярек) от вина.
Слово мое крепко! (л. 29)

«Заговор от запоя» (№ 24) из сборника Сахарова перепечатан под тем же заглавием в издании Забылина²⁴ с тремя разночтениями: «вода *из загорного студенца*» превратилась в «воду *из-за горного студенца*»; фраза «Месяц ты

²² Песни русского народа: В 5 ч. / [Изданы И. П. Сахаровым]. СПб., 1839. Ч. 4. С. 252, № 13.

²³ Там же. С. 179, № 17.

²⁴ Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 343, № 6.

красный, сойди в мою клеть» изменена на «Месяц ты красный, зайди в мою клеть»; «Звезды, уймите раба такого-то от вина» на «Звезды, уймите раба *Божия* (такого-то) от вина». Во всех трех случаях в статье Блока текст воспроизведен в соответствии с книгой Забылина. Во втором предложении «Заговора от запоя» неясны слова *Маерена* и *тезе*. В «Истории русской литературы» и в 8-томном собрании сочинений А. Блока первое слово передано как *Маерека*. В рукописи Блока читается *Маерена*, как у Сахарова и Забылина, однако буква *n* написана так, что ее вполне можно принять за *к*. Кроме того, слово *Маерека* напоминает обычное для заговоров обозначение говорящего *имярек*. В связи с этим выбор формы *Маерека* мог быть подсказан и написанием буквы *n* в наборной рукописи, допускающем двойное прочтение, и смысловыми ассоциациями.

Далее следуют три предложения с синтаксическим параллелизмом, обращенные к небесным светилам: первое — к звездам, второе — к красному месяцу и третье — к привольному солнышку. Все три предложения строятся по общей схеме: сначала обращение к небесным светилам (существительное + личное местоимение *ты / вы* + эпитет) и призыв, обращенный к ним же (глагол в повелительном наклонении + существительное в винительном падеже с предлогами *в / на* + эпитет); далее союз *а* + существительное в предложном падеже с предлогами *в / на* + местоимение *моей / моем*. В заключение говорится о локусах, о которых уже шла речь перед этим. При этом одно и то же существительное употребляется сначала в винительном падеже, а потом в предложном: «...в чашу брачную; а в моей чаше...», «...в мою клеть; а в моей клетке...», «...на мой двор; а на моем дворе...».

В конце второго и третьего предложений сообщается негативная информация: *ни дна, ни покрышки / ни людей, ни зверей*, т. е. использованы слова из известной формулы проклятия: «Чтоб тебе (ему) ни дна ни покрышки!»

Призывы к небесным светилам неоднократно встречаются в заговорах, опубликованных Сахаровым: «*Солнце ясное, звезды светлые, небо чистое, море тихое, поля желтые — все вы стоите тихо и смиренно; так была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, в нощи и полунощи*» (№ 6); «*Месяц, ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака*» (№ 15); «*Выхожу я во новы сени дубовые, на широк двор заборчатой, гляжу я по всем по дорогам и перепутьям, вижу я от земли до неба звезды ясные. <...> Вы, звезды ясные, затемните свой светояркой свет...*» (№ 54).

В следующем предложении «Заговора от запоя» три части связаны синтаксическим параллелизмом. Если в предложениях третьем–шестом субъект заговора призывал звезды, месяц и солнышко спуститься с небес и войти в брачную чашу, в клеть и во двор, то в седьмом предложении он призывает те же светила отворотить имярека от вина. Таким образом, предложения третьем–седьмое образуют смысловое и структурное единство, которое упорядочено на лексическом и синтаксическом уровнях.

Текст заканчивается формулой «Слово мое крепко!», которое характерно для сахаровской коллекции и встречается также в конце 11 других заговоров (№ 8, 11, 12, 14, 19, 22, 25, 26, 45, 48, 64).

Первое предложение «Заговора от запоя» явно заимствовано из подлинного заговора, который мог иметь и другую функцию. Такая формула встречается, например, в рукописном заговоре от кровотечения из следственного дела 1727 года: «*Ты, небо, видишь, ты, небо, слышишь, что я стану дела[ти?] на[д] их телом белым и румяным*».²⁵

²⁵ Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII века / Публ. Е. Б. Смилянкой // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 112.

Воззвание к небу «Ты, небо, слышишь...» восходит к Библии, где сходное обращение встречается дважды. Моисей, обращаясь к собранию израильтян, начал свою песню словами: «*Вонми, небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы усть моихъ...*» (Втор. 32: 1); русский перевод: «*Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих*». Аналогичным образом Книга пророка Исаии начинается с восклицания: «*Слыши, небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася мене*» (Ис. 1: 2); перевод: «*Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня*».

«Заговор от запоя» использовал в своем трехтомном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев, который не заметил в тексте цитаты из Библии и интерпретировал инициальную формулу как языческое воззвание к Сварогу: «Славянин призывал Сварога, его детей и внуков: „ты, Небо, слышишь! ты, Небо, видишь...“».²⁶

П. И. Мельников-Печерский составил на основе цитат из заговоров, приведенных Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу», новый заговор, в который включил и интересующую нас формулу.²⁷ В романе «В лесах» знахарка произносит при сборе целебных трав: «Встану я, раба Божия Наталья, помолясь-благословясь, пойду во чисто поле под красное солнце, под светел месяц, под частые звезды, под полетные облаки. Стану я, рабица Божия, во чистом поле на ровном месте, что на том ли на престоле Господнем... облаками облачусь, небесами покроюсь, на главу положу венец-солнце красное, подпояшусь светлыми зорями, обтычусь частыми звездами, что острыми стрелами... *Небо, ты, небо!.. Ты, небо, видишь!.. Ты, небо, слышишь!.. Праведное солнце! благослови корни копати, цветы урвати, травы собирать!.. А на что их собираю, было б на то пригодно!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь*».²⁸ Блок был знаком с романом «В лесах» и усматривал некую связь между Фленушкой из произведения Мельникова-Печерского и Фаиной из драмы «Песня судьбы», судя по дневниковой записи от 6 марта 1908 года: «Фаина — „В лесах“ Печерского. Тоже — раскольница с демоническим».²⁹

Можно предположить, что отдаленным прообразом второй части «Заговора от запоя» послужил плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», где встречаются олицетворения природных явлений и светил и соблюдается принцип троичности; Ярославна заклинает ветер, Днепр и солнце и просит их о помощи, как и исполнитель «Заговора от запоя». Отметим, что И. П. Сахаров дважды публиковал текст «Слова о полку Игореве» с внесением своих поправок и ввводной статьей.³⁰

Одно из причитаний, опубликованных Сахаровым, весьма напоминает по своей структуре и поэтике и «Заговор от запоя», и плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «*Уж ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди с полуночи, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской вековать. Уж ты, месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горячих*

²⁶ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865. Т. 1. С. 417.

²⁷ Виноградов Г. С. Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. 1935. М.; Л., 1936. № 2–3. С. 358–359.

²⁸ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 3. С. 200.

²⁹ Блок А. А. Записные книжки / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. 1901–1920. М., 1965. С. 103.

³⁰ Дмитриева Р. П., Творогов О. В. Сахаров Иван Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 270–271.

слез по милым детушкам. *Уж ты, ветер, ветер буйный! Ты возвей, возвей со полуночи, ты принеси весть радостну нашим покойничкам...*».³¹

Итак, если первое предложение «Заговора от запоя», скорее всего, взято из какого-то реального заговора, то третье–седьмое, вероятно, представляют собой авторскую стилизацию. Параллели к этой части текста находятся не в заговорах, а в «Слове о полку Игореве» и в причитании, опубликованном Сахаровым и также, вероятно, стилизованном в духе плача Ярославны. В данной части заговора последовательно проведен троичный принцип: имярек обращается к звездам, месяцу и солнцу; текст включает три сложносочиненных предложения с параллельными синтаксическими конструкциями и одно сложное предложение с тремя параллельными периодами. Наличие таких строго упорядоченных лексико-синтаксических структур не характерно для заговоров и также выдает индивидуально-авторское происхождение данного фрагмента.

«Заговор островника на зеленую дуброву»

Третий текст из сахаровского издания в статье Блока — «Заговор островника на зеленую дуброву» сопровождается небольшой преамбулой: «Всего вольнее — на охоте, среди леса; на Севере очень длинны заговоры на ловлю горностаев, векш, настойчиво заговаривают бег зайца. Островник заговаривает зеленую дубраву...» (л. 30).

Следующий далее заговор приведем с условной разбивкой на строки:

Хожу я, раб (такой-то), вокруг острова (такого-то)
по крутым оврагам, буеракам,
смотрю я чрез все леса:
дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину;
5 по всем сучьям и ветвям,
по всем листьям и цветам,
а было в моей *дуброве*
по живу, *по добру и по здорову*,
а в мою бы зеленую *дуброву*
10 не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек,
ни *ведьма*, ни леший, ни *домовой*, ни *водяной*, ни вихрь.
А был бы я большой-набольшой;
а было бы все у меня во послушании.
А был бы я цел и невредим (л. 30).

В издании Забылина текст подвергся небольшой правке.³² Фраза «а было бы в моей дуброве поживу, подобру, поздорову...» (№ 46) выглядит так: «...а было в моей дуброве по живу, по добру и по здорову...». Блок воспроизвел текст с изменением Забылина.

«Заговор островника на зеленую дуброву» более близок аутентичным заговорам, чем два текста, рассмотренные нами выше. Например, в подлинных заговорах также встречаются слова: «Хожу я, раб (такой-то)...», перечни деревьев, перечни зловредных персонажей. Однако синтаксическая структура заговора и лексика выдают его авторское происхождение. В частности, в подлинных заговорах трудно представить себе следующие почти подряд обороты с союзом *а* и глаголом *было*: «...а было в моей дуброве...», «А был бы я...»,

³¹ Сказания... СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7. С. 23.

³² Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 383.

«...а было бы все у меня...», «А был бы я...»; нехарактерны для заговоров выражения: «большой-набольшой», «во послушании», «цел и невредим». Отметим, что оборот «А был бы я цел и невредим» относится к излюбленным у Сахарова и повторяется в нескольких заговорах из его коллекции, например: «А был бы я на войне *цел и невредим*, и мой конь был бы *цел и невредим*...» (№ 20); «...будь ты, мое дитяtko, *цел невредим*...» (№ 30). В одном из «Заговоров ратного человека, идущего на войну» оборот «а был бы я *цел, невредим*» повторяется 4 раза (№ 34). В аутентичных заговорах оборот «цел и невредим» нам не встретился ни разу.

**Стихотворение Блока «Сын и мать»
и «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяtkoю»**

4 октября 1906 года, т. е. во время работы над «Поэзией заговоров и заклинаний», Блок написал стихотворение «Сын и мать», в котором отразились впечатления поэта от его знакомства с «Заговором от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяtkoю». Приведем текст в его последней редакции, включенной в раздел «Разные стихотворения» из второй книги лирики Блока. Курсивом выделены фрагменты, которые имеют параллели в заговоре и/или в статье Блока:

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

*В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!*

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

*Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.*

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме *утренней зари!*
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.

Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

*В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:*
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

*Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.*³³

Начало блоковского стихотворения: «Сын осеняется крестом. / Сын покидает отчий дом» — напоминает обычный зачин русских заговоров: «Встану помолясь, пойду *перекрестясь...*». Строка «Сын покидает отчий дом» имеет параллели в блоковской статье: «...сын покидает мать...»³⁴ и «...ушел сын на чужую сторону» (л. 32).

Сочетание *родная мать* («Сын не забыл *родную мать...*») вызывает в памяти название «Заговор от тоски *родимой матушки* в разлуке с милым дитяткою» и начало текста: «Разрыдалась я *родная*, раба такая-то...» (№ 3). Со словами заговора «обернись на родину славную» и «припади к сырой земле» в стихотворении коррелирует «Дух свой предал небожителем, / *Сердце — матери-земле*».

Замечанию в статье: «Мать произносит *золотые слова...*» (л. 32) в стихотворении соответствует словосочетание «золотая радость»: «В песнях матери оставленной / *Золотая радость есть...*» и «В сердце матери оставленной / *Золотая радость есть*». Сравнение слова с золотом используется в закреплении заговора, которую Блок не процитировал в статье, однако, несомненно, учитывал: «*А будь мое слово: сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горячего камня Алатыря, могуче богатыря*» (№ 3).

И в сахаровском заговоре, и в стихотворении Блока два персонажа — мать и ее сын. Характерно, что в обоих текстах ничего не говорится про то, есть ли у матери муж, а у сына — отец. При этом образ сына в обоих текстах сохраняет определенную двойственность: у Сахарова он и «дитятко», и взрослый человек; у Блока он и человек, и солнце. Заговор произносится от лица матери, а стихотворение написано в третьем лице, однако несколько раз переключается на точку зрения матери, причем в двух случаях даже используются местоимения первого лица: «Вот он, *сын мой*, в светлом облаке...» и «Вот он, *сын мой*, окровавленный!».

В сахаровском заговоре мать описывает, как она умывает и вытирает своего сына, и при этом создается такой эффект, как будто она видит детали его внешности. Мать сначала рассказывает, что моет своего сына над «брачной чашей», и называет его «ненаглядным дитяткой», а потом говорит про его кафтан, осанку, кудри, поступь, т. е. явно имеет в виду взрослого человека. Характерно, что сначала мать говорит про «чистое личико» своего сына, а потом про его «лицо молодецкое».³⁵ Это противоречие проще всего объяснить

³³ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 80–81.

³⁴ Отмечено в комментариях к Полному собранию сочинений Блока (Там же. С. 687).

³⁵ Сюжетную параллель к такой ситуации находим в одной из колыбельных песен, опубликованных Сахаровым: рефреном в тексте проходят слова «Спи, усни, мое дитятко!» и «Баю, мое

психологически тем, что для матери сын одновременно является и младенцем, и взрослым.

Мать использует в своей магии предметы, сохранившиеся после венчания. Их особое значение подчеркивается тем, что чаша брачная фигурирует в тексте дважды, а свеча обручальная и плат венчальный — даже по три раза. Хотя Сахаров не конкретизирует, откуда взялись эти вещи, общий смысл текста указывает на то, что мать хранит их со своей собственной свадьбы. В народной традиции свадебные свечи и другие ритуальные предметы действительно использовали в магических действиях, и в этом смысле Сахаров следует за этнографической реальностью. Однако если предположить, что сын ушел из дома, потому что он женился, то эти предметы могли сохраниться и после венчания самого сына, а не его матери. При такой интерпретации текст приобретает еще больший драматизм и более сложную структуру: получается, что сюжет соединяет младенческий образ сына с двумя важнейшими событиями его жизненного пути — во-первых, с его женитьбой и, во-вторых, с его смертным часом.

И фрагмент заговора, приведенный Блоком, и стихотворение «Сын и мать» оканчиваются описанием смерти сына. В заговоре она отнесена в какое-то неопределенное будущее, лишена трагизма и предстает как торжественный ритуал прощания с Родиной и матерью-землей; сын как бы не умирает, а засыпает глубоким сном. Причины его смерти совершенно неясны; во всяком случае очевидно, что он не ранен в бою, как герой блоковского стихотворения. Характерно, что и в этот момент мать продолжает называть своего сына «дитяткой», хотя он уже давно вышел из детского возраста. У Блока данному эпизоду соответствует двустишие: «Сын не забыл родную мать: / Сын воротился умирать». Для родной матери возвращение сына является долгожданным событием, несмотря на то что сын пришел к ней не жить, а умирать. В стихотворении Блока он истекает кровью на глазах матери и готовится к смерти, однако у нее это не вызывает горечи и сожаления; напротив, при виде окровавленного сына и его пронзенной груди она испытывает чувство «золотой радости».

Эта ситуация в стихотворении Блока соответствует общей метафорической структуре текста. Его действие охватывает, по существу, время одних суток, от ночи до наступления дня; при этом сын выступает в роли солнца, которое появляется «в шлеме утренней зари» и, подобно Фебу, рассыпает по земле свои стрелы-лучи. Можно догадаться, что сын-солнце сражался с ночным мраком и одержал победу над ним, однако был смертельно ранен в этом бою.³⁶ По предположению Е. А. Некрасовой, «так формируется еще одна возможная трактовка образного содержания стихотворения — образ окровавленного сына как галлюцинации матери, видящей его среди причудливо освещенных солнцем утренних облаков».³⁷

Мифопоэтическое отождествление сына с солнцем также имеет определенную параллель в сахаровском тексте. В начале заговора, которое не процитировано Блоком, говорится, что мать рыдает весь день от утренней зари до вечерней, «во чисто поле гляючи, на закат ненаглядного дитятки своего

дитятко!»; «злы татарове» угнали в плен матушку и батюшку; дитятко призывают вырасти, посканать в Золотую Орду и вывезти оттуда родителей и молодую жену (Песни русского народа. Ч. 4. С. 403–406, № 4).

³⁶ См. в черновых вариантах поэмы «Ее прибытие» (1904): «Плыли и пели, и море пьянело, / Правящий Феб, рассекая туман, / Дале все мчал пурпуровые стрелы / Но не иссяк заповедный колчан» (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 288).

³⁷ Некрасова Е. А. Виды экспрессивной тональности стихотворных произведений А. Блока // Образное слово А. Блока. М., 1980. С. 116.

красного солнышка — такого-то» (№ 3). Вероятно, мать видит заходящее красное солнце, которое ассоциируется у нее с сыном, покидающим родительский дом, однако в тексте это сформулировано не как сравнение сына с солнцем, а как их символическое отождествление. Оборот «на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка» подхватывается далее в словах: «Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного...».

Художественное время рассматриваемых произведений имеет и различия, и сходства. С одной стороны, заговор охватывает всю жизнь человека, а в стихотворении все действие укладывается в одно утро. С другой, из сахаровского текста совершенно непонятно, сколько времени прошло между тем, как сын появился на свет, и тем, как он оставил родной дом, а потом пришел его смертный час. Вся судьба человека, включая его рождение, женитьбу (?) и смерть, предстает в восприятии его матери в одном концентрированном промежутке времени, так что он как бы одновременно и младенец, и мужчина, покидающий материнский дом, и человек, заканчивающий свой жизненный путь.

Таким образом, сопоставление сахаровского заговора и стихотворения Блока позволяет предполагать, что Блок прочитал этот заговор как драматическое повествование о сложных психологических коллизиях во взаимоотношениях матери и ее сына.

* * *

Итак, в «Поэзии заговоров и заклинаний» Блок процитировал три заговора, впервые опубликованные в книге Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». При этом «Заговор от запоя» и «Заговор островника на зеленую дуброву» приведены полностью, а «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою» — с небольшими сокращениями. Как уже отмечала Кумпан, Блок цитировал заговоры Сахарова по их перепечаткам в книге Забылина с сохранением отдельных описок или опечаток этого издания.³⁸

В библиотеке Блока, хранящейся в Пушкинском Доме, отсутствуют издания Сахарова и Забылина, однако из этого не обязательно следует, что у поэта их не было, поскольку часть его библиотеки утрачена. К тому же в период работы над статьей Блок систематически посещал Библиотеку Академии наук,³⁹ в которой имел возможность познакомиться и с той, и с другой книгой.

В издании «Сказаний», указанном в библиографии к статье Блока (л. 41), под заглавием «Сказания о кудесничестве» включены 64 заговора.⁴⁰ В коллекции Сахарова заговоры даются вразнобой, поэтому составить общее представление о какой-нибудь определенной функциональной группе довольно трудно. К тому же процент явных фальсификатов в этом собрании довольно велик, что сразустораживает читателя, который знаком с заговорной традицией. Как мы видели, Блок имел представление о сомнительной репутации Сахарова, поэтому не было бы удивительным, если бы он остерегался пользоваться этой книгой.

При работе над «Поэзией заговоров и заклинаний» Блок использовал в основном два крупных издания русских заговоров — Л. Н. Майкова и П. С. Ефименко. К этим собраниям аутентичных текстов он добавил и компиляцию Забылина. Во всех трех книгах тексты расположены по функциональным

³⁸ Кумпан К. А. Заметки об источниках... С. 41, прим. 35.

³⁹ Кумпан К. А. О датировке статьи Блока... С. 272.

⁴⁰ Сказания... Т. 1. Кн. 2. С. 18–35.

группам, поэтому с ними легко работать. Забылиным перепечатаны примерно 40 заговоров из коллекции Сахарова, а также около 30 заговоров из рукописи графомана Г. Д. Книголюбова,⁴¹ однако остальная часть забылинских текстов взята из достоверных публикаций Ефименко, Афанасьева и др.⁴² В издании Забылина имеется раздел, посвященный колдунам, из которого Блок привел цитату в своей статье и в стихотворении «Русь», написанном 24 сентября 1906 года.⁴³ Тот факт, что книга Забылина представляет собой «сомнительную компиляцию»,⁴⁴ по-видимому, Блока не смущал.

Если с точки зрения фольклориста сахаровские заговоры представляют собой фальсификаты, то с точки зрения литературоведа их можно осмыслить как литературные стилизации на фольклорной основе. Блок высоко оценил «Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою», который он сопроводил восхищенными ремарками и отнес к «истинным перлам первобытной поэзии». Этот же текст стал одним из источников стихотворения «Сын и мать», написанного Блоком во время работы над «Поэзией заговоров и заклинаний».

Можно предположить, что внимание Блока привлекли поэтические характеристики текста, его психологизм и внутренний драматизм, ситуация ухода из родительского дома, изображение материнской тоски по сыну, магических действий матери и ее заклинаний, произнесенных «згчным голосом», красочный перечень сказочных и демонических существ, описание того, как в свой смертный час сын вспоминает о матери и припадает к сырой земле. Не исключено, что в психологических коллизиях во взаимоотношениях между матерью и сыном Блок мог усмотреть и некоторые параллели к его собственной семейной жизни (напомним, что Блок посвятил стихотворение своей матери).

«Заговор от запоя» насыщен мифологическими мотивами и космическими образами. Заклинатель предстает как могучий маг, который повелевает светилами; по его призыву звезды, месяц и солнце спускаются с неба как живые существа. Вероятно, Блок оценил поэтическую структуру текста и его экспрессию. Блока явно затронуло за живое осмысление пьянства как «самой злой и таинственной» порчи, «которой не видно и не слышно, которая наступает внезапно и приносит в дом несчастье».

Таким образом, представление Блока о русских заговорах в значительной части было сформировано под влиянием текстов из коллекции Сахарова, которые в персонажно-образном, сюжетно-мотивном и лексико-стилистическом отношении весьма далеки от подлинных русских заговоров. Все это, конечно, не противоречит высокой оценке статьи Блока как яркого проявления фольклоризма Серебряного века, однако побуждает критически отнестись к включенным в нее фольклорным материалам.

⁴¹ *Топорков А. Л.* О рукописи Г. Д. Книголюбова // *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора* / Изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 352–358.

⁴² *Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия.* С. 289–392.

⁴³ *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. С. 44; *Кумпан К. А.* О датировке статьи Блока... С. 271.

⁴⁴ *Померанцева Э. В.* Писатели и сказочники. С. 44.